в-113-пк

[00:00:00] [Начало записи]

Руслан Гринберг: Уважаемые дамы и господа, я всех приветствую здесь в университете. Дело в том, что нам всем повезло, что мы именно в университете проводим Второй Московский экономический форум, поскольку один из самых важных брендов и советского, и постсоветского времени – это Московский государственный университет, он известен в мире, слава богу, ежегодно повышается его рейтинг в Международном табеле о рангах, и сегодня у нас тема «Россия в глобальном мире». Я бы хотел только два слова сказать по поводу того, что мы находимся в принципиально новой исторической фазе, и мы до конца не знаем, какую цену должна заплатить Россия за включение Крыма в состав нашей родины. Мы, естественно, никогда не забывали, что Крым – это Россия, и понимали, что какая-то историческая несправедливость произошла в мире в 1991-1992 году при распаде Советского Союза. Я помню, руководители новой России пытались каким-то образом сделать special case для Крыма. Я помню, господин Собчак и господин Попов, как руководители новой России, сразу же после путча пытались каким-то образом оговорить особые условия для Крыма, но было уже поздно. Сегодня мы будем проводить специальную сессию, посвященную крымской и украинской теме в час дня, но я бы хотел сказать, что сейчас говорить о месте России в современном мире – нет более актуальной темы. Мы пока все находимся в эйфории от того, что Крым стал Россией, и похоже, что это необратимо. Ясно другое, что Запад не является единой структурой, которая бы определила свою позицию, слава богу, по отношению к России, здесь много разных разногласий, но, судя по всему, американское влияние продолжает быть очень мощным, несмотря на то, что, как китайцы говорят, путь с вершины ведет только вниз. Многие раздражены господством однополярного мира, и, скорее всего, начнется медленное движение в сторону многополярного мира. Правда, многие говорят, что мы соскальзываем в многополярный хаос. Так или иначе, у России появляется шанс на сотрудничество с другими центрами силы. Скорее всего, мы активизируем наше сотрудничество в рамках БРИКС.

Я недавно был в Рио-де-Жанейро, там была академическая сессия интеллектуалов Китая, Бразилии, Индии и Южной Африки, и там была очень интересная эйфория тоже в некотором смысле, что наступает какой-то новый мир, и многие говорили, что нет худа без добра, у России ослабляются связи с Западом, и в этой связи возникают большие возможности для сотрудничества с развивающимися центрами, прежде всего, с Китаем, Бразилией, Индией и другими странами Азии. Я лично не в восторге от этого дела, потому что мне казалось, что начнется новая эра наших теплых отношений с Западом, но похоже, что мы все здесь имели большие иллюзии.

в-113-пк

[00:05:10]

С одной стороны, западный триумфализм, зазнайство, высокомерие, учительский тон, который невозможно терпеть великой державе, а с другой стороны наши собственные иллюзии конца 80-х годов, что «Делай, как на Западе, и все у тебя будет хорошо». Если у них любопытство сменилось страхом перед Россией, то у нас абсолютно страстная, безответная, безоговорочная любовь к Западу, как я сейчас помню, в конец 80-90-х годов, сменилась просто новой ненавистью, что тоже, мне кажется, контрпродуктивно. Мы сегодня должны обсудить эту тему, все-таки можем ли мы надеяться на то, что мы будем жить в новом мире, мире, где все-таки не будет игры с нулевой суммой, где каждая страна будет получать выигрыши, как принято говорить на новом русском языке «win-win situation», или все-таки мы вернемся к идиотской, с моей точки зрения не заслуживающей политике, чтобы вернуться опять в XVIII или XIX век, где царил закон джунглей, и все искали какие-то преимущества в геополитических спорах, где, как выразился один философ, большие страны ведут себя, как бандиты, а маленькие, как проститутки. Как бы вульгарно это ни звучало, но когда мы видим сегодняшнюю конфронтацию, то получается, что есть много оснований для такого пессимизма. С другой стороны, мы все-таки в XXI веке, где мир очень маленький, мы живем в одной большой деревне. Все-таки существует Интернет, информационная революция, и, похоже, это дает какие-то шансы на то, что все-таки не восстановится эта ситуация противоборства.

Я скажу вам честно, что я надеялся на то, что Путин и его товарищи все-таки не так быстро сыграют в эту игру – включение Крыма в состав России. Я предполагал, и было бы лучше, если бы мы имели этот абхазский или южноосетинский вариант. Так или иначе, Крым бы уже точно перешел потихонечку в состав России, была бы российская администрация, российские деньги. С другой стороны, все-таки оставались бы какие-то возможности для того чтобы Запад сохранил лицо. Теперь эта точка пройдена, и поэтому становится очень не по себе оттого, что мы не могли до конца скалькулировать ту цену, которую Россия должна заплатить. Для меня, в отличие от многих коллег, ясно, что Крым для нас в ближайшие годы, минимум пять лет, – это чистая обуза, несмотря на всю прелесть Крыма, который я вообще считаю самым любимым моим местом. Вот сидит мой друг и советник Леонид Ефимович Маврин, мы всю юность проводили в Крыму, и я считаю, что более благословенного места нет. Но понятно, и мы рады, что Крым теперь российский психологически, как люди. И вот здесь написано «Стоп». Три слова: Крым будет обуза, плюс будут увеличиваться издержки для нас в связи с санкциями. Санкции, я надеюсь, не будут слишком сильными, но, в любом случае, мы должны отдавать себе отчет в том, что мы вступаем в новую полосу. Это, конечно, не холодная война, но я ее называю «холодный

мир». И как долго он продлится? Наши иностранные друзья и мы все должны сделать то, чтобы этот холодный мир когда-нибудь закончился. Спасибо за внимание, продолжаем.

[00:10:17]

Александр Бузгалин: Руслан Семенович, большое спасибо. Благодаря вашему действительно красивому и серьезному вступлению вы лишили меня возможности что-либо сказать в начале, поэтому я промолчу, и мы продолжим наш разговор с выступлениями наших коллег.

Профессор Газизуллин, главный редактор журнала «Проблемы современной экономики». Они подготовили совместное сообщение с заместителем главного редактора коллегой Ложко.

Наиль Газизуллин: Спасибо. Уважаемые коллеги, дорогие друзья, я обращаюсь к вам именно таким образом, потому что на первом заседании МЭФ уважаемый Руслан Семенович сказал, что здесь собрались социал-демократы, единомышленники, люди, которые ищут и должны найти конструктивные пути возрождения нашей страны. Я без излишнего кокетства хочу сказать, что наш журнал «Проблемы современной экономики» – это евразийский международный журнал, которому уже более 12 лет, и изначально идеология журнала заключалась в том, чтобы сохранить и преумножать отечественные традиции в экономической науке, и всячески содействовать интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Я сегодня могу выразить самое глубокое удовлетворение по тому, что оба эти направления находят самый широкий отклик в обществе. Я считаю, что тот рейтинг нашего журнала, который мы сегодня имеем – шестое место по рейтингу лиц среди всех научных экономических журналов в России и 29 место среди всех научных журналов, – это как раз свидетельство того, что людям интересна та позиция журнала, которую мы неизменно занимаем, развиваем и которую будем преумножать.

Смысл моего выступления заключается вот в чем, поскольку регламент ограничен: МЭФ предшествовал замечательный форум в Институте экономики РАН, возглавляемым Русланом Семеновичем, и почему-то эта самая главная методологическая сердцевина немножко стала растворяться во множестве правильных докладов и сообщений, но в какой-то степени уводящих нас от системообразующего фундамента. И поскольку мы сейчас находимся буквально на пути, и приблизились очень к созданию Евразийского экономического союза, мое самое главное предложение, и наш журнал, будучи и информационным партнером МЭФ, и будучи информационным партнером форума «Евразийская экономическая перспектива» всячески готов предоставлять свои страны для тех, кто посвятит свою научную работу этим проблемам. Нужно создать политическую

экономию Евразийского экономического союза. Есть ли предпосылки к этому? Да, есть. У Московской школы есть свои блестящие наработки, у нашей Петербургской школы есть свои блестящие наработки. Мы должны конструктивно соединить этот процесс. Если бы за эти годы такой труд был бы создан, тому же Глазьеву вчера можно было бы положить вот такой том, который бы назывался «Политическая экономия Евразийского экономического союза».

[00:15:08]

Я настоятельно прошу этот вопрос поставить, как один из главных вопросов нашего форума. В нашем журнале уже давно существует раздел «Проблемы самоопределения современной политической экономии в странах СНГ и Балтии». Я думаю, мы его сейчас назовем «Проблемы самоопределения политической экономии в Евразийском экономическом союзе», и это было бы нашим главным преимуществом перед неолиберальной школой.

Я хотел бы буквально два слова предоставить нашему молодому земляку, который выступал на петербургской площадке МЭФ, и речь идет о конкретном соединении усилий государства, науки и бизнеса в плане тех самых процессов, о которых я здесь уже говорил. Большое спасибо за внимание. Памятуя общее название нынешней конференции «Несырьевое будущее России», на базе журнала выпущена буквально днями книга «Новая индустриализация России» под моей редакцией, и я ее с удовольствием передаю Александру Владимировичу и Руслану Семеновичу. Спасибо вам.

В. Ложко: Спасибо, уважаемые коллеги, я скажу буквально несколько комментариев из практических аспектов формирования экономической политики. Мы с группой экспертов активно занимаемся развитием и формированием транспортно-логистической инфраструктуры в системе евразийских транспортных коридоров, и все это базируется на компаниях, которые занимаются проектированием транспортной инфраструктуры, потому что на этапе проектирования закладываются как экономические аспекты развития инфраструктуры, так и комплексные системы развития территорий и регионов. Соответственно, я хотел бы поддержать Руслана Семеновича, потому что мы в свое время, создавая совместные предприятия в Украине, прошли достаточно большой опыт, начиная с эйфории харьковских соглашений в 2010 году, и заканчивая горечью Майдана. Я считаю, что из этого опыта нужно извлечь уроки, и мы со своей стороны предлагаем конкретные комплексные системные механизмы по формированию транспортно-логистической инфраструктуры или высокотехнологичной инфраструктуры, которую мы видим в трех аспектах: первая основа – транспортная логистика, второе – комплексная экономическая

матрица, системообразующая и увязывающая как логистическую, так промышленную, третье – научно-исследовательскую инфраструктуру. В результате, могут быть выработаны системные предложения по комплексному и системному развитию как агломераций, так территорий и регионов Российской Федерации, в том числе если мы говорим о Крыме. Хотелось бы предложить нашим уважаемым академическим кругам действительно подумать над системным подходом, который бы формировал экономическую политику не просто как теорию, а как практическую возможность для бизнеса использовать эти наработки, и понимать, что один проект реализуется, а рядом с ним реализуется другой, третий, четвертый, и тем самым образуется мультипликативный эффект или синергия, который дает комплексный эффект в экономике.

Александр Бузгалин: Спасибо большое. Давайте поаплодируем этому журналу, он действительно открыт для диалога.

[00:20:13]

Далер Джаборов, аспирант Экономического факультета МГУ. Я уже сказал, у нас будет контрапункт молодого и солидного поколения. А что касается журнала «Проблемы современной экономики», то он действительно поддерживает главную проблему нашего сегодняшнего семинара «Россия в глобальном мире, в ЕврАзЭС», и поэтому благодарны вам за то, что вы открыли наш семинар.

Далер Джаборов: Уважаемые коллеги, наш круглый стол называется «Будущее России в глобальном мире, критическое использование уроков Запада и Востока». Я бы хотел поговорить об опыте планирования экономики в некоторых странах, и призвал бы больше пользоваться этим опытом в нашей стране.

Существует множество мнений о том, какой путь должна выбрать Россия для более эффективного развития экономики. Можно найти очень широкий спектр вариантов, начиная с того, что рыночная экономика не должна двигаться в сторону социализации, а должна и дальше осваивать рыночные механизмы управления государством, заканчивая сторонниками построения социалистического государства и вообще ухода от рыночных механизмов.

Основными сторонниками позиции, что государство не должно вмешиваться в экономику вообще, являются представители австрийской школы. Неоклассическая экономическая модель, и в меньшей степени новый институционализм допускает вмешательство в экономику со стороны государства, но лишь для того чтобы привести рынок в равновесное состояние, чтобы залатать так называемые провалы рынка. Однако если даже выбирать построение развитой рыночной экономики в качестве цели экономической политики,

достигнуть эту цель можно различными способами. Одним из наиболее эффективных способов, вопреки распространенному мнению как среди либеральных кругов, так и в нашем правительстве, был метод индикативного планирования экономики, который широко использовался правительствами разных стран для восстановления экономики как после Второй Мировой войны, так и для того чтобы догнать развитые страны развивающимися. Индикативное планирование – это советующее, ориентирующее планирование на государственном уровне. Индикативные планы и прогнозы составляются с целью помочь хозяйствующим субъектам, фирмам ориентироваться, разрабатывать собственные планы, исходя из видения экономического будущего государственными органами и привлеченными ими научными организациями, и для того чтобы слезть от нефтяной иглы, и отказаться от нефте и газоэкспортирующей экономики, нам крайне необходимо использовать опыт индикативного планирования. При этом нужно понимать, что эта политика кардинально отличалась от планирования в странах соцлагеря, так как имело место рыночное ведение хозяйства, но при этом во Франции в определенный период времени были элементы так называемого дирижизма, то есть директивного планирования. Индикативное планирование использовалось при этом не только в странах, восстанавливающихся после Второй Мировой войны, но и во многих стираных, которые перешли из разряда развивающихся в разряд развитых во второй половине XX века. Использование индикативного планирования – это характерная черта многих экономик, которым за последние 60 лет удалось из развивающихся стран стать развитыми. В их числе всем известные азиатские тигры, такие как Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур. Активная промышленная политика в Сингапуре основывалась на периодически составляющихся планов. Среди этих тигров исключением был лишь Гонконг, игравший весьма специфическую роль посредника между Китаем и всем остальным миром. Эти страны сумели за два десятилетия сократить отставание от США по душевому ВВП на 30 процентных пунктов при их начальном уровне около 20% от душевого ВВП США. Аналогичного успеха добились три европейских страны – Греция, Испания, Португалия в свое время, – и во всех трех странах на начальных этапах также составлялись индикативные планы. Весьма развитая система индикативного планирования функционировала в послевоенной Франции. Эта система использовалась не только развивающимися странами, но и странами уже на довольно высоком уровне развития. Некоторые страны, такие, как Италия, Финляндия, Норвегия и Ирландия сумели совершить рывок, уже будучи на довольно высокой стадии развития. Планирование использовалось ими в разной степени, однако некоторые исследователи отмечают решающую роль государственной политики в достижении успеха этих стран, и ее сходство с политикой восточноазиатских стран.

в-113-пк

[00:24:59]

Я также призываю не забывать об опыте Советского Союза и его директивном планировании, и об успехах Советского Союза в стратегических областях, также в военно-промышленном комплексе, в социальной сфере, образовании и здравоохранении, где мы добились очень высоких результатов отчасти или во многом благодаря планированию.

Александр Бузгалин: Спасибо, Далер. Я думаю, что когда у нас идет такой контрапункт солидных и молодых исследователей… Вот видите, иностранные коллеги вам аплодируют, особенно французы, где есть действительно большой опыт дирижизма и планирования, и это может быть одним из слагаемых будущего диалога нашей страны с другим миром, когда внутреннее планирование будет связано с серьезными международными программами. Олег Дьяченко, Челябинский государственный университет, доцент, кандидат экономических наук.

Олег Дьяченко: Уважаемые коллеги, озвучу не свою позицию, а озвучу просто идею. Тема доклада следующая «Противоречия капиталистического способа производства и устойчивого сценария развития». Имеются ли противоречия между двумя этими концепциями развития, уместно ли вести речь об устойчивом капиталистическом способе производства? Общераспространенным и признанным тезисом является то, что развитие капитализма ограничено рамками природной среды. Этот тезис подтверждается учеными из различных организаций и из самых разных стран, однако возможен ли мирный сценарий плавного перехода к кардинально альтернативному развитию для России? Ведь стоит в данном случае учесть, что имеются маргинальные элиты, страстно нежелающие принимать какие-либо активные мероприятия в отношении реформирования политического, социально-экономического, идеологического режима. Также имеется глубокое недоверие общества к любому эксперименту, проводимому властями по выведению первых из привычного для них равновесного состояния, а сегодняшнее состояние для России для подавляющего большинства общества – это равновесное состояние. Люди не хотят сегодня переходить в какую-то кардинально новую систему. Отсутствует также хоть какая-то общепризнанная научная альтернатива, близкая к реальности. Стоит отметить то, что неоимпериалистический запад на сегодняшний день заявил о поиске альтернативной либеральной модели капитализма. Фукуяма в своем выступлении сказал, что «Да, Запад ищет, но насколько эта альтернатива будет истинной альтернативой капитализму – это большой вопрос. Считаем, что это будет поиск новой модели высасывания капитала из менее развитых стран.

Безусловно, капиталистическая система деструктивна, ее философия и идеалы аморальны, жестки, жестоки, ограничены. Мы помним опыт либерального реформирования России 90-х годов, знаем историю свержения социалистических режимов в мире на протяжении XX-XXI века, понимаем цену сложившегося – это откат в развитии на десятилетия, десятки миллионов жизней. Смириться с этим означает закрыть глаза. Тем не менее, мы ведем хозяйство в этой системе, молодое поколение вкусило прелести западной демократии, считаем, что призывы к перелому хребта капитализма в России не меньшим преступлением перед своим народом, чем события прошедших нескольких десятилетий. События в исламских странах, Азии, Европе демонстрируют, что смена режима мирным путем невозможна. Тогда о каком переломе, переходе в новое состояние экономики вы можете говорить, когда мы по опыту Украины похороним 10-20% населения? Это будет справедливое общество? Сомневаюсь. Для перехода к сбалансированному устойчивому пути развития в существующих условиях нужен неотъемлемый фактор – это сильная власть. Да, в России есть проблемы в бюрократической среде – это коррупция, кумовство и многое другое, – но в какой стране этого нет? Режим не влияет на наличие данных проблем, лишь только на объем ущерба от них.

[00:30:04]

Лишь сильная власть в состоянии преодолеть преграды к национализации ряда стратегических важных для России объектов, лишь при ней возможно жесткое регулирование сформировавшихся в стране рынков, лишь она способа поставить акцент на примате в хозяйстве общественного над частным интересом. Считаем важным и достаточно актуальным рассмотрение и изучение поиска путей к устойчивому развитию капитализма, насколько бы это аморально и противоречиво ни звучало, считаю даже не переход к этой модели, а проверку именно этой модели, чтобы мы осознали все плюсы и минусы данного перехода, и, по крайней мере, знали, что туда соваться не стоит. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо. Утверждения более чем жесткие, но в России сейчас после украинских событий отношение к демократии стало, мягко говоря, еще более прохладным. Мы думали, что ничто другое так не разочарует в демократии, как власть демократов. А оказалось, что Майдан способен разочаровать еще сильнее. Тем не менее, я, например, считаю, что сильный государственный капитализм в России приведет в лучшем случае к тому, что мы повторим трагедию Российской империи и Первую Мировую войну. Но это уже мое личное мнение, которое я не мог не высказать в ответ на провокационное выступление Олега.

в-113-пк

Я с радостью предоставляю слово коллеге Латышеву (Челябинский государственный университет).

Латышев: Уважаемые коллеги, добрый день. Я хочу представить вам доклад на тему «Россия – энергетическая сверхдержава». Учитывая это, российская власть еще в 2006-2009 годах вводит термин «энергетическая сверхдержава». Важно отметить, что Россия признала свои природные ресурсы, в первую очередь нефть и газ, стратегическими объектами, при этом права и преференции на распоряжение данными объектами в большей мере уже переданы государственным компаниям. Этот процесс начался с банкротства «ЮКОС», когда нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие активы данной частной компании, в результате, перешли в распоряжение Роснефти, которая является крупнейшей нефтяной государственной компанией. Не менее известным в нефтегазовом поле страны является «Газпром». В целом, государству принадлежит более 50% акций данной компании. Компания выстроила не только диверсификацию в газовой нефтяной промышленности, она построила настоящую финансовую группу. Так, компанию обслуживает «Газпромбанк», крупнейшая в стране страховая компания «СОГАЗ», также осуществляет страхование рисков и «Газпром», и других организаций и частных лиц.

Помимо «Газпрома» и Роснефти в данной сфере в России работают и другие компании, например «Лукойл», частная, без государственного участия, нефтяная компания осуществляет и добычу, и переработку нефти. По объемам добычи нефти данная компания не опережает Роснефть, но опережаете «Газпром нефть», в рейтинге крупнейших компаний страны она занимает третью строчку, являясь крупнейшей частной нефтяной компанией в России.

Обратимся к зарубежному опыту. Так, в такой арабской стране, как Катар, доходы от продажи газа и нефти составляют 70% бюджета страны, в Иране доход от нефтегазовой индустрии также формирует почти 60% бюджета, но рекордсмен – Нигерия, где более 80% бюджета составляют именно доходы от продажи нефти и газа. В странах, где добыча и экспорт углеводородов является ключевым для экономики, как правило, формирует компании, контролируемые государством, и являющиеся монополиями в данной стране, в первую очередь, ориентированными на монопольный экспорт. Крупнейшие страны, в которых значительные объемы добычи нефти и газа имеют подконтрольную правительству компанию, контролирующую до 100% рынка данной страны, и работающую на внешний рынок, в России в этом плане такой монополизации все же нет. «Газпром» и Роснефть не контролируются государством на 100%, кроме того, работают и частные компании, крупнейшей из которых, и сопоставимой с «Газпромом» и Роснефтью является «Лукойл».

[00:35:12]

Что касается европейского рынка, то страны Европы могут быть классифицированы по уровню зависимости от российского газа, как независимые и практически независимые, у которых доля российского газа в потреблении составляет меньше 10%, как частично зависимые, где доля российского газа до 50%, и как зависимые и полностью зависимые, где доля российского газа в потреблении свыше 50%. Основным потребителям в Европе выгодно минимизировать влияние транзитных стран и поставки газа, в том числе из России, в частности путем строительства СПГ-терминалов для поставки из Азии и Африки, введения новых антимонопольных мер и развитием добычи сланцевого газа.

В заключение хотелось бы отметить, что Россия, обладая колоссальными запасами природных ископаемых, является одним из крупнейших торговых партнеров ЕС и США, и, несмотря на исключение из Большой Восьмерки и введения экономических санкций в отношении нашей страны в последнее время, можно твердо сказать, что Россия уже не только энергетическая, но и экономическая сверхдержава. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо. Вот видите, как у нас получилось: на форуме, посвященном несырьевому будущему, мы доказываем, что Россия – это сверхдержава именно в энергетике. Спасибо, молодой человек. Мы продолжаем наш разговор. Малахова Татьяна, кандидат экономических наук, преподаватель Кубанского государственного университета.

Татьяна Малахова: Добрый день, уважаемые коллеги. Тема доклада звучит следующим образом: «Будущее России в [нрзб] [00:37:11] пространстве, интенсивный [нрзб] рост или дальнейшая стагнация». Разбила доклад на два ключевых блока. Первый блок будет посвящен современному состоянию экономики России в условиях глобального экономического кризиса.

Я уже не раз в своих выступлениях акцентировала внимание на том, что действующая мировая архитектура больше не может служить интересам только одной страны или группе стран, она стала неким тормозом устойчивого развития мировой экономики в целом, и требует скорейшего реформирования как со стороны отдельных государств, так и финансовых институтов. Современный глобальный экономический кризис в большей степени выявил специфические особенности неэффективности локальных экономик, усилившиеся в условиях дестабилизации хозяйственных связей. Предпринимаемые со стороны отдельных государств и финансовых институтов определенные меры с целью сгладить дисбалансирующие процессы в глобальной экономике в подавляющем большинстве случаев оказываются неэффективными и непоследовательными. Все это можно в большей степени отнести и к российской экономике, которая уже длительный

период времени функционирует в условиях низкоэффективной хозяйственной системы. Так многие экономисты теоретики и практики утверждают, что необходимо разработать систему мер по сглаживанию и предотвращению кризисных явлений в экономике России по различным направлениям. Мы вчера выслушали очень много точек зрения, но я хотела бы остановиться на двух ключевых моментах. Во-первых, одни считают, что необходимо развивать инновационную составляющую нашей страны, то есть перейти на инновационные рельсы развития, хотя хотелось бы сделать акцент на том, что для этого необходима соответствующая инфраструктура, которая должна соответствовать всем ключевым требованиям современных реалий. Мы можем очень долго говорить об инновационном потенциале нашей страны, однако статданные говорят совершенно об обратном. Так, доля России в экспорте наукоемких технологий составляет примерно 3%, по сравнению с США – 36%, Японией – 30% – замечу, что Япония является ключевым импортером лицензий ноу-хау в России, – и Китай – 6%. Есть яркие примеры стран, которые перешли за короткий период времени на инновационное развитие – это Швеция и Финляндия, при этом сформировав ту инфраструктуру, которая соответствует всем современным требованиям: это и нано-города, и технопарки.

Второй вариант, которого в большей степени мы придерживаемся – это восстановление ключевых отраслей реального сектора экономики России, в частности это военно-промышленный комплекс и агропромышленный комплекс. Хотелось бы акцентировать внимание на том, что мы до сих пор занимаем второе место в мире по производству и экспорту вооружения и военной техники. Первое место занимает США, третье место занимает Германия.

[00:39:59]

При этом мы достаточно далеко оторвались от Германии: у нас 24%, у Германии 9%. При этом акцентируем внимание на то, что техническая инфраструктура была создана в большей степени в советское время, поэтому нам необходимо не только восстанавливать и развивать, но и создавать новые виды вооружений и военной техники, которые позволят нам диктовать военно-политические действия определенные.

Что же касается агропромышленного комплекса, то здесь вне зависимости от того, что мы функционируем в ВТО, нам необходимо все-таки находить альтернативные или обходные пути развития агропромышленного сектора, чтобы деградация в большей степени не произошла и дальше.

Однако в настоящее время можно констатировать, что ни одно из этих направлений в широком масштабе не реализовано. Мы до сих пор в большей степени экспортируем нефть

и газ, и в товарной структуре экспорта нашей страны это занимает более 50%, а в товарной структуре импорта превалирует в большей степени машинное оборудование, и это факт. Хотелось бы согласиться с выражением Александра Бузгалина, что мы и дальше большем стагнировать, особенно если при этом есть, что продавать, то есть пока у нас есть нефть и газ – безусловно, мы можем как-то диктовать условия, но когда это все закончится, то здесь, конечно же, необходимо строить дальше какие-то планы на перспективу. И наша позиция – это восстановление реального сектора экономики, в частности военно-промышленный и агропромышленный комплекс.

В целом, Россия достойно справилась с первой волной кризисных явлений в глобальной экономике, однако стоит ожидать вторую, третью, быть может, четвертую волну кризисных явлений в мировой экономике, и здесь мы согласимся с предположением Алексея Кудрина, что возможным эпицентром второй волны кризисных явлений может является интеграционная группировка Европейского союза, поскольку нестабильность и нерегулируемость валютно-финансового сектора и привела к дестабилизации стран-членов объединения, что усугубляет последствия кризисных явлений во всем мире.

Спасибо большое за внимание.

Александр Бузгалин: Спасибо. На самом деле, я хотел бы обратить внимание аудитории на то, что Татьяна построила прогноз, и Европейский союз ожидает новая волна кризиса, которая накроет весь мир, так что, уважаемые коллеги, я не знаю, согласитесь вы с этим или нет, давайте посмотрим, кто окажется прав: молодой исследователь или оптимисты касательно Европейского союза. Спасибо, Татьяна, в том числе за постановку вопроса о жёстких противоречиях и альтернативах, которые у нас есть. Молодые исследователи не [00:42:50] всегда акцентируют сложные проблемы, а это, на мой взгляд, очень правильно.

Мы продолжаем наш разговор. Представитель магистратуры Экономического факультета Маслов. Я рад предоставить вам трибуну, и я думаю, вообще правильно, когда на больших форумах выступают отличники-студенты и молодые преподаватели.

Г. Маслов: Уважаемые участники круглого стола, в своем выступлении я хотел бы затронуть теоретический вопрос, связанный с направлением экономического империализма в экономической теории, но я хотел бы подчеркнуть, что этот вопрос не является объектом каких-то абстрактных теоретических игр в академических аудиториях, этот вопрос очень связан с реальной экономической политикой, во-первых, а во-вторых, можно говорить, что на примере развития теории мы можем проследить современные трансформационные процессы в экономической политике. Несомненно, что на данном этапе развития общества особую роль приобретают междисциплинарные исследования, которые направлены на

удовлетворение обществом не только сугубо экономических потребностей, но и всестороннего развития, кстати, о чем вчера много говорилось, и, безусловно, междисциплинарные исследования особенно важны, особенно в свете того, что современные проблемы стали столь глобальны, что каким-то одним локальным инструментом их не решить, но возникают дискуссионные вопросы насчет конкретных форм этих исследований.

В чем основной объект моей критики экономического империализма? Согласно этой концепции, почти все процессы общества рассматриваются, как частный случай экономического поведения агентов, хотя нет оснований говорить, почему нужно отдавать первенство именно экономике, то есть почему не экономика является частным случаем каких-то общих законов развития общества и поведения человека, а наоборот, все, что мы делаем – это мы просто проявляем себя, как экономические индивиды. Часто сторонниками экономического империализма провозглашается, что «Мы, экономисты, разработали эконометрический метод, который набирает все бóльшую популярность во всех исследованиях», но тут встает вопрос: от того, что экономисты разрабатывали математические модели, не следует, что математика при этом становится экономикой как таковой. То есть если древние астрономы выводили какие-то геометрические законы, это не значит, что геометрия – часть астрономии.

[00:45:41]

Хочется также затронуть методические проблемы использования математического аппарата, столь чрезмерное в экономическом империализме, при исследовании социальных явлений. Это может вводить в заблуждение, потому что сложно многим явлениям присвоить математическую переменную и строить на этой основе, потому что в каждом случае мы имеем уникальный исторический контекст, уникальные условия, и нельзя говорить, что какая-то тенденция, выявленная, скажем, в нулевом периоде, обязательно также воспроизведется и в первом периоде. Обобщения, которые делает математика – можно сказать, это вызов диалектическому взгляду. Есть икс, есть не икс, но никто не говорит о том, что в таких-то условиях такое-то явление является больше иксом, в каком-то меньше, и так далее. Таким образом, чем более глобальный вопрос пытаются решить экономические империалисты, тем меньше продуктивность их исследования. Кроме того, математика – это все-таки язык, поэтому можно говорить о том, что она описывает явления, но не раскрывает и не объясняет их сущность. Можно поставить вопрос: зачем я критикую метод, если до этого сказал, что предмет не должен быть таковым для экономического империализма? Но на самом деле это важно, потому что, в конечном счете, экономика пользуется выводами, полученными в исследовании других

социальных процессов, но также стоит поставить вопрос, почему именно в наше время экономический империализм получает бóльшую популярность, хотя основные концепции были разработаны несколько десятилетий назад.

Спасибо.

Александр Бузгалин: Я благодарю моего коллегу за доклад, который мне кажется важным, потому что, на самом деле, для нас сегодня понимание возможностей различных теоретических подходов для анализа нашей сложной многомерной реальности принципиально важен, и мне показалось, что критика экономического империализма, небольшой методологический доклад будет важен для нашей сегодняшней встречи с тем, чтобы мы не пытались исключительно свести к функционированию конкурентных акторов любые отношения, которые касаются нашей страны в глобальном мире, и глобального мира в контексте нашей страны, да и без всякого контекста России в том числе. Прошу обратить на это внимание, это большой мировой спор, который для нас принципиально важен.

Дмитрий Плетнев, доцент, кандидат экономических наук, заместитель директора Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета.

Дмитрий Плетнев: Большое спасибо организаторам за предоставленную возможность выступить, высказать свою точку зрения. Уважаемые коллеги, часть названия нашего круглого стола звучит, как «критическое осмысление опыта Запада и Востока», и одним из таких элементов именно восточного опыта является философия конфуцианства, и, в частности, наследие, которое нам оставил сам Конфуций. У него одно из изречений звучит следующим образом. Его спросили: «С чего начать управление государством?», и он ответил: «Я начал бы с выпрямления понятий». Когда его ученик спросил: «А что же? Надо же накормить, напоить и так далее», на что Конфуций ответил, что «Если понятия не будут ясны, то тогда никакое приказание исполняться не будет должным образом, и любые меры, – если на современный язык переводить, – госрегулирования, они будут, как вода в песок, растворяться и не иметь никакого практического выхода».

[00:50:06]

И такой моей скромной попыткой внести определенную ясность для того чтобы впоследствии можно было осуществлять, в том числе, и многие из тех мер, о которых мы говорили вчера на первом дне форума, является предлагаемая концепция. Если мы сегодня 90% человек, студентов и выпускников высших учебных заведений в России опросим, что такое фирма, что такое корпорация, чем она занимается, они ответят однозначно: она

максимизирует прибыль, и другого ответа не будет. Почему? Потому что самое распространенное, самое легкое восприятие сегодня теории – это неоклассика, ортодоксальная экономическая теория. И конкуренция именно в этой простоте, легкости изложения восприятия на сегодня гетеродоксальные теории составить не могут. На мой взгляд, одной из проблем является недостаток операциональности этих теорий. Здесь я хотел бы продемонстрировать такую попытку операционализировать не ортодоксальный подход к изучению такого важного феномена в современной экономике, одно из важнейших, как корпорация.

Что такое корпорация? Под корпорацией я предлагаю понимать институционально автономную форму организации материального производства, то есть не только современные акционерные корпорации, но и любые другие формы, когда объединяются люди, и они живут в одной совокупности, в одной системе норм, правил, и это будет корпорация. И как понять именно корпорацию, как институционально автономную систему? Я предлагаю исходить из того, что всего существует три мотива социального действия, каждый из которых рождает определенный тип хозяйственных отношений, то есть властные, культурные и экономические отношения. Таким образом, можно говорить о том, что корпорация будет образовываться совокупностью институтов, каждый из которых будет структурировать и реализовывать определенный тип хозяйственных отношений, то есть это институт принуждения, институт содействия и институт оппортунизма. Таким образом, можно визуально представить гармоничную корпорацию, как совокупность соразмерных этих трех институтов. Современная ортодоксальная экономическая теория уделяет внимание только одному институту – институту оппортунизма, институту использования своих возможностей, максимизации индивидуального результата, и в этом она проявляет свою дисфункцию с точки зрения возможности реализовывать и человеческий потенциал, и, в том числе, с точки зрения управляемости. И любые ограничения этого оппортунизма, введение систем контроля и так далее, они только усугубляют ситуацию. Единственный вариант вернуть корпорацию к гармоничной форме будет увеличение доли других институтов. В первую очередь, речь идет об Институте содействия, об отношении к солидарности, которые должны развиваться в корпорации, и точно также, как я считаю, мы должны и в высших учебных заведениях преподносить существующую теорию, что есть то, что должно рассматриваться с точки зрения классики – это институт оппортунизма, но есть также большие другие пласты, которые подлежат изучению в других теориях и концепциях.

И если говорить о дисфункциях конкретных форм, японские корпорации, советские корпорации, в них был большой институт принуждения, может быть, больше или меньше

институт содействия, а институт оппортунизма был маленький, и в этом возникала проблема их практического функционирования, и они также были негармоничны, так что с точки зрения анализа конкретных форм идеальных на данный момент нет, но их можно в будущем, так или иначе, вырастить, если исходить из того, что для создания гармоничной корпорации необходима соразмерность трех форм. Большое спасибо.

Я хотел вам в лице МЭФ подарить свою книгу.

Александр Бузгалин: Спасибо. Вот видите, у нас от Конфуция к современным корпорациям проложена дорога. По поводу корпораций и Конфуция я не могу не заметить, что есть очень интересный и важный вопрос. На самом деле, что значит идеальная корпорация? Она идеальная с точки зрения самой корпорации для себя, или она идеальный в этом случае инструмент для того, чтобы развивался человек, общество и национальная система? Я думаю, скорее, второй ответ будет правильным. Просто мы с ним работаем в диалоге, и я решил чуть продолжить эту мысль.

Борис Фрумкин, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, и мы завершаем на этом сегодняшний тур российских участников. Затем у нас наши коллеги из Ближнего и Дальнего Зарубежья.

[00:55:52]

Борис Фрумкин: Уважаемые коллеги, я бы хотел немножко наш теоретический дискурс сдвинуть в более прагматическую область. Вчера на пленарном заседании много говорили о том, что экономические санкции против России, которые сейчас установил и, может, будет усиливать Запад, а конкретно Евросоюз и США, может – несчастье помогло – стимулировать направление, формы и масштабы участия России в решении глобальных проблем и регионального сотрудничества. Вот, мне кажется, удачный пример таких возможных изменений – это изменение участия России в решении мировой продовольственной проблемы с помощью стран БРИКС. Все вы знаете страны БРИКС – это Бразилия, Россия, Китай, Индия и Южная Африка, и эта аббревиатура из статистической выдумки превратилась уже в реально действующую организацию со своими юридическими основами и даже банком, который будет организован в определенное время, тем более, что последние события его стимулируют.

Какие здесь есть возможности и проблемы, связанные с расположением БРИКС в системе мирового обеспечения продовольствия? Из этих четырех стран три входят в первую десятку продовольственных экспортеров, и три же входят в первую десятку продовольственных импортеров. То есть если брать долю стран БРИКС в мировом экспорте, то это будет по растительным продуктам от 12-16% по сахарному тростнику, и где-то от 10 до 30% по

куриному мясу. В импорте их, к счастью, доля меньше, но тоже значительная. И здесь есть два основных направления. Первое – это усиление сотрудничества внутри этой организации. Такие документы приняты, но они не работали, поскольку не было такой большой потребности в интенсификации взаимного сотрудничества. Теперь они в какой-то степени появляются, и здесь Россия может сыграть значительную роль, потому что если мы сейчас возьмем коэффициент продовольственного обеспечения, который считает международная организация по 125 странам мира, то Россия там занимает среди стран БРИКС второе место: первое Бразилия – это 25 место, Россия 44-е, Китай 57-й, Южная Африка 67-е, и хуже всего Индия – 97-е место. Сейчас Россия может расширить свои экспортные поставки внутри стран БРИКС, прежде всего в Индию, Китай, и, может быть, в бóльшей степени скоординирует свою политику с Бразилией по действиям на мировых рынках зерновых и животноводческих продуктов.

И второе очень важное направление – это активизация усилий стран БРИКС в мировом содействии сельскому хозяйству. Здесь уже страны БРИКС в рамках «Группы 20-ти» уже поглотили идею «Группы 8-ми», так называемая «Аквильская инициатива по продовольственной безопасности», и есть еще новая инициатива, которая называется «Новый альянс по обеспечению продовольственной безопасности и продуктов питания», он охватывает девять стран в Африке. Там пока работает только Россия и Индия, но, в принципе, могут быть подключены и другие страны, потому что Южная Африка имеет технологии, подходящие для африканских условий, Индия может поставлять соответствующие приспособленные для тропического климата пестициды, Россия определенную технику, Китай технику и семена, поэтому здесь опять расширение масштабов сотрудничества, выход его за рамки «Группы 8-ми», переход его в рамки группы «G20» может быть активно использован БРИКС для усиления своих позиций в решении мировой продовольственной проблемы.

[01:00:02]

Это те два аспекта, на которые я хотел бы обратить ваше внимание, поскольку это действительно реальные глобальные проблемы, которые реально решаются тем или иным соотношением Востока и Запада, и где Россия, опираясь на новые формы сотрудничества, может сказать свое слово, тем более, что по всем прогнозам в ближайшее десятилетие до 2022 года производство продовольствия в странах БРИКС будет расти примерно в два раза быстрее, чем в Европейском союзе и США, то есть реальные возможности для этого есть. Спасибо.

в-113-пк

Мужчина: Итак, тема нашего круглого стола – «Уроки для России и глобализация», мой доклад называется «Мировые деньги. Политэкономический аспект». Я работаю именно в русле политической экономии. К сожалению, на сегодняшний день в России много исследований, посвященных мировой валютной системе, реформированию международной валютной системы, однако, к сожалению, внимание политикоэкономической теории денег практически не уделяется, она не развивается, максимум, воспроизводятся какие-то общие места, которые зачастую воспроизводятся некорректно. О чем я хотел сказать – несколько постановок: во-первых, мировых денег. Функция мировых денег, пятая функция денег, которая обычно понимается просто как увеличение масштаба обращения денег, в действительности должна пониматься в плоскости через призму единого критерия классификации функции денег, собственно, товарного метаморфоза, особенного метаморфоза товар. Особенность метаморфоза товара, когда он опосредован мировыми деньгами, состоит в том, что там появляется дополнительное звено, обмен валют, рынок денег, то есть мы уже имеем метаморфоз не товар-деньги-товар, а товар-деньги-деньги-товар, у нас появляется дополнительное звено «деньги-деньги». Дальше благодаря такому пониманию этой функции мы можем познать природу мировых денег и их сущность, поскольку деньги-деньги представляют собой простую форму стоимости денег – стоимость денег А выражается в стоимости денег В, X денег А равно Y денег В. Эта простая форма стоимости денег развивается подобно простой форме стоимости товара в развернутую, потом во всеобщую, и потом в денежную форму стоимости. То есть, в итоге, мы имеем X денег А равно Y мировых денег. Так мы познаем природу мировых денег, это дает нам метод политической экономии. На основании познания природы мировых денег мы конкретизируем их определение, и они уже будут не просто особенный товар в роли всеобщего товара, но особенные деньги в роли всеобщих денег. Так мы познаем более конкретно сущность мировых денег. Далее мы конкретизируем политико-экономическое понимание функций мировых денег. Поскольку их особенность состоит в том, что они опосредуют движение не только товаров, но и движение денег, то есть они возникают не на рынке товаров, а на валютном рынке. Из среды особенных денег выталкиваются одни деньги, которые становятся всеобщими. Это и есть противоречие, которое движет эволюцию мировых денег, противоречие между особенными и всеобщими деньгами, подобно тому, как противоречие в деньгах вообще – это противоречие особенного и всеобщего товара. Какие возможности для нас это открывает? Мы можем в категориях политической экономии познать действующую мировую валютную систему, и я хотел акцентировать внимание только на России.

Одним из способов придания международного статуса национальной валюты в России является предложение о экспорте за национальную валюту, то есть предлагается продавать нефть, газ и другие товары за национальную валюту. Таким образом, предполагается придать ей статус международных денег. Что на это можно сказать? Это меняет метаморфоз товаров российского экспортера. Если раньше иностранная валюта получалась за счет экспорта, теперь она должна будет покупаться на международном валютном рынке, но на национальном валютном рынке ее уже не купишь. Валюты стран, которые на сегодняшний день являются ключевыми, они не находятся в рамках такого ограничения, они стали ключевыми без таких жестких декретов, но при этом эти страны, хотя закон Грассмана отчасти действует, а кто-то его не признает, но и они не избегают необходимости торговать, пользоваться иностранной валютой. То есть если экспортируют они часть своих товаров за национальную валюту, то импортировать они вынуждены за иностранную валюту. Они эту возможность удержать не могут. Видимо, эти тонкие моменты и пути не особо обсуждаются.

[01:05:37]

Что еще не обсуждается? Очень много внимания посвящается критике американского доллара, как несовершенных денег, несовершенной валюты, которая надутая, пустая, которая не обеспечена товарами, которая грабительская какая-то, но при этом в исследованиях российских ученых, посвященных придания статуса международной валюты российскому рублю, становлению российского рубля в качестве региональной валюты для начала, почему-то внимание на то, что российский рубль, по сути, представляет собой такие же декретные деньги без масштаба цен, как и американский доллар, не уделяется. Почему-то российские исследователи в этом случае не обращают внимания на сущность денег.

Что мы еще можем узнать? Критерии, которые необходимы для национальной валюты, чтобы она приобрела международный статус. Вот это предложение по поводу торговли за национальную валюту, познание природы денег именно в системе категорий марксистской политической экономии позволяет нам увидеть, что национальная валюта приобретает статус мировых денег на валютном рынке, а не на рынке товаров, то есть она из среды особенных денег выталкивается, а не из среды товаров, поэтому главным свойством, главным критерием, которым должна обладать национальная валюта для приобретения этого статуса, является не ее в кавычках «условно товарное обеспечение», не ассортимент товаров национального рынка, потому что это особенная потребительная стоимость денег, а ее всеобщая потребительная стоимость, которая состоит в том, что она может непосредственно обмениваться на другие валюты, а обмениваться она будет при условии

стабильности ее меновой стоимости, то есть этот критерий становится для нас главным, когда мы смотрим через систему категорий политэкономии. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо нашему коллеге с Украины. Мы перешли к международному туру, но часть этого тура проходит на русском языке, а сейчас мы перейдем на английский.

Мы переходим ко второй части. Я рад приветствовать наших коллег из Дальнего Зарубежья, и мы пойдем по алфавиту, я думаю, это самый простой способ, мы и первую часть так работали. Я хотел бы представить слово Дэвиду Лэйну. Дэвид представляет Кембриджский университет. Это удивительный ученый, на самом деле, это звезда. Кембридж говорит сам за себя, но Дэвид Лэйн – один из, наверное, крупнейших, если не крупнейший с артиклем «the» представитель посткейнсианской школы в современной мировой научной теории.

[01:10:01]

Дэвил Лэйн: Спасибо за приглашение, и очень рад участвовать в форуме. Очень интересно для меня.

[01:10:10] – [01:13:48] [Говорит на английском без перевода.]

Экономике. Давайте посмотрим между домашними и аффилированными компаниями. У нас есть с левой стороны Великобритания, и с правой стороны Белоруссия, то есть существуют качественные различия между Россией и Великобританией. Если сравнить советы директоров российских и западных компаний, я взял 13 крупнейших российских компаний в 2011-2012 году по индексу «Forbes», и я обнаружил, что действительно состав директоров отличается от ситуации в Великобритании. Прежде всего, российские советы директоров отличаются проникновением чиновников с небольшим количеством зарубежных директоров даже для тех компаний, в которых представлены иностранные акционеры. Я хочу сказать, что российские компании ближе к своему национальному сообществу, и это относится не только к государственным компаниям, но можно сказать, что это национальные компании, поскольку составы совета директоров отличаются от британских.

[01:15:23]

Допустим, если мы возьмем британские банки, то среди их директоров вы найдете сейчас очень мало человек, которые действительно знают, что такое банковское дело, но в большинстве своем они будут представлены чиновниками, которые работали в Министерстве иностранных дел или занимались аналогичными международными отношениями.

Евразийское направление является ли альтернативным? Это действительно явилось реакцией отдельных политических элит, в частности господином Путиным. В данном случае мы не говорим о том, что мы пытаемся создать угрозу для Запада, но это, скорее всего, препятствие на пути экспансии глобального капитализма, поэтому, с моей точки зрения, евроазиатское направление – это черта и определенная характеристика национального капитализма.

Основные качества Евразийского союза: прежде всего, это крупнейший внутренний рынок, значительные запасы валюты, незначительная зависимость от зарубежных корпораций, что дает базу и возможности созданию альтернативной идеологии, и она, как правило, представлена в национальном виде. Можем ли мы прийти к более автономному блоку? Да, потому что это стимулирует государственный суверенитет, ориентацию на другие системы ценностей, и можно сказать, что это традиционный консервативный капитализм, связанный с традиционными ценностями. Однако существуют ограничения для евразийского блока. Если мы посмотрим на 2 тысячи крупнейших корпораций, ни одна из них не представлена в Белоруссии, в Казахстане их всего два, в России 30, и из них 10, относящихся к сырьевому сектору. Кроме того, недостаёт критической плотности. В отличие от Советского Союза, у которого была более сильная политическая и идеологическая базы, в Евразийском союзе не хватает этой критичной плотности. Если мы говорим о крупных странах, то в Бразилии крупных корпораций 41, в Индии 66, в Китае 136, поэтому Евразийский союз нуждается в создании блока и в выравнивании уровня развития и уровня плотности корпораций со странами БРИКС. С другой стороны, с точки зрения альтернативного развития Евразийский союз может стать краеугольным камнем для создания другого глобального центра притяжения и центра развития.

В завершение хочу сказать, что евроазиатское движение – это возможная альтернатива, она до сих пор является противоречивой, потому что она отстаивает разные приоритеты и разные ценности, она стоит в оппозиции к западной гегемонии. В отношении Евразии не проведено ни социологического анализа, ни текущего экономического анализа. С одной стороны, Евроазиатский союз может противостоять гегемонии Запада и может быть одним из шагов на пути к созданию многополярного мира. Если мы говорим о более оптимистическом сценарии, мы должны говорить о возрождении социалистических блоков в России и Китае.

Александр Бузгалин: Я рад этой критике национальной капиталистической ориентации, как на самой лучшей альтернативы, и предложение левой социалистической альтернативы мне кажется всегда важным. Спасибо, Дэвид.

Дэвид Лайбман, профессор из Нью-Йорка (США), главный редактор журнала «Наука и общество», одного из ведущих левых англоязычных и старейших журналов в мире, организатор массы панелей на левом форуме в Нью-Йорке и многих странах мира, и так далее.

[01:20:50]

Дэвид Лайбман: Здравствуйте, я буду очень краток. Один из выступающих здесь говорил о различии между индикативным и центральным планированием, и выступал на стороне индикативного планирования, как инструмента, который сможет преобразить российскую экономику. Я думаю, что модель индикативного планирования, в отличие от модели централизованного планирования, отличатся тем, что в ней недостает одного из очень важных элементов: дело в том, что это планирование демократическое, не сверху вниз, и если там не будет элемента демократизма в самой концепции, то никакие альтернативы, даже не то, что социалистические, но внутри капиталистического строя, невозможны.

Итак, корни демократического планирования, и это, может, спорный вопрос, не все коллеги со мной согласятся, уходят в Советский Союз. Это тот, как говорится в английской поговорке, огромный слон, который присутствует, но все делают вид, что его не замечают. Итак, идею Советского Союза не принято вспоминать, но никто о ней не может забыть. Я не хочу сказать, что Советский Союз был идеален, совсем нет, это было авторитарное глубокорепрессивное сообщество, которое ограничивало возможности развития, но, с другой стороны, в нем были очень важные существенные черты в зародышевой форме, которые обеспечивали участие самоуправления, самоорганизацию в рамках отдельного предприятия, его подразделения и так далее. Таким образом, корни демократического планирования уходят в историю советского опыта. Я думаю, что это будут признавать все больше и больше.

Это и есть ключ к участию России в растущей новой экономике. Неолиберальная политика сегодня привела к обнищанию целого ряда стран в мире, и к необходимости реорганизации государственных приоритетов в экономике. Ключевой вклад России в эту новую коалицию может быть таким, который основан на подходе, основывающемся на опыте Советского Союза. Я говорю не о критичном и наивном заимствовании опыта или слепом оппонировании современному капитализму, нет, просто те члены этой коалиции, которые хотят улучшения и усовершенствования капитализма, а не отмены его, могут заимствовать полезные аспекты из марксистской традиции и опыта социалистического строительства XX века, который может стать важной альтернативной неолиберальному

движению. Это будет важнейший элемент, который позволит нам выйти за пределы кейнсианского мышления в преодолении кризиса.

[01:25:27]

Под неокейнсианским мышлением я понимаю Кругмана, Штиглица, и я считаю, что чрезвычайно важно разработать альтернативу этому принципу жесткой экономии. Здесь важен элемент соучастия, совместной деятельности, и именно он был силен в недавнем советском прошлом России. Этот опыт может помочь современной России делать какие-то нетривиальные шаги, полезные для всех.

Александр Бузгалин: Большое спасибо, замечательное выступление. Я полностью поддерживаю вашу критику моего лучшего студента, и сейчас уже аспиранта. Я думаю, Далер тоже согласится, что демократическое планирование – это механизм, который может в будущем сыграть большую роль, и что здесь есть интересный опыт, в том числе в нашей стране. Кстати, я хочу подчеркнуть, что Дэвид Лайбман – один из очень немногих известных ученых Запада, кто критически, но и, в то же время, позитивно относится к советскому опыту, видя там серьезные достижения, а не только черную дыру с ГУЛагом. Мы все помним про трагедии сталинизма, но, видимо, было что-то еще, и этот акцент принципиально важен. Я обращаю внимание на то, что работы Дэвида переведены на русский язык, и текст для этого форума будет опубликован в журнале «Альтернативы». Кстати, Дэвида Лэйна я тоже прошу представить текст, мы постараемся перевести и опубликовать, равно как и остальных наших иностранных гостей.

Сейчас мы идем дальше. Радхика Десай, профессор из Канады, создатель нового интересного проекта исследовательского международного центра, занимающегося с критических левых позиций глобальными геополитикоэкономическими проблемами.

Радхика Десай: Благодарю вас. Я уже услышала много интересного здесь на этом экономическом форуме о государственном развитии и централизованном планировании. В ходе кризиса 2008 года экономический рост России значительно замедлился, но это породило реакцию на неолиберальные идеи, и поэтому идеи государственного регулируемого капитализма, как бы его ни называли – организованный капитализм, координированная рыночная экономика, капитализм всеобщего благоденствия и так далее, – таким образом, все, что противопоставляется биржевому капитализму. Или, например, континентальный капитализм в отличие от англо-саксонского варианта. Об этом мы говорили уже много, и я продолжу.

Почему это сегодня так важно, особенно для стран БРИКС? Движение в сторону многополярного мира особенно важно для стран типа стран БРИКС, особенно России,

потому что именно у них есть опыт государственной координации развития экономики в многополярном мире. Вопрос у нас такой: есть ли у нас теория, которая может вместить в себя рост мультиполярности на национальном уровне? У меня есть книга об этом, Александр о ней говорил, и я привезла с собой несколько экземпляров. Так или иначе, в этой книге я высказываю идею, что мультиполярность не противоречит никакому миропониманию, которое у нас есть, это просто отражение влияния государственного воздействия на капитализм.

[01:30:07]

В условиях глобализации, которая является одной из основных парадигм сегодняшней жизни, государство не важно. Если речь идет об империи, то важно только одно государство, и, в любом случае, это не многополярный мир. Я предполагаю альтернативную теорию, и для меня большая честь выступать с этой теорией здесь. Мне приходилось это делать во многих других странах. В своей книге я беру теорию неравномерного развития в качестве основы понимания того, что я называю геополитическая экономика миропорядка, и в рамках этой теории все эти вопросы можно понять и рассмотреть. В отличие от теорий свободного рынка, которые лежат в основе идей глобализации, гегемонии и империализма, моя теория предлагает наиболее удачную модель понимания истории капитализма, потому что история капитализма – это история государственного капитализма. Один из авторов, которых я цитировала, рассказывает о том, что капитализм во всех странах развивался под влиянием государств. Книга Жан Чжун Чаня [01:31:50], которая также очень важна для моей теории, показывает, что и в развитых странах развитие всегда происходит на основе государственного руководства. В смешанном типе развития это проявляется наиболее ярко, и поэтому и предлагаем такое название «смешанный вид капиталистического развития». Исторически оно принимало две формы: комбинированное капиталистическое развитие, такое, как в США и Германии, а опыт Советского Союза представляет собой второй тип – смешанный не капиталистический тип развития. Очень интересно при этом, что некоторые самые серьёзные теории холодной войны показывали, что холодная война – это не просто соревнование между капитализмом и коммунизмом, на самом деле, это были попытки США остановить развитие не только коммунизма, но и национальных капитализмов, и это очень важно. Я хотела сказать, что неравномерное и смешанное по типу развитие показывает, что развитие миропорядка – это диалектический процесс, который представляет империализм, и комбинированный тип развития, противопоставленный ему. Доминирующее государство на каждом историческом этапе стремится сохранить свое доминирующее положение, усиливая империалистические механизмы, а те государства, которые соперничают с ним, государства смешанного типа

развития, пытаются оспорить этот тип миропорядка, эту мировую конфигурацию, настаивая на своем пути в развитии своего государства. И одним из выводов из этой теории является то, что в отличие от идеи гегемонизма США мы можем показать, что США никогда не смогли достичь того уровня гегемонизма, к которому они стремились, всегда присутствовала хотя бы отчасти доминирующая роль какого-то другого государства, поначалу Великобритании, потом других стран, и те усилия США по достижению гегемонии в мире никогда не бывали полностью успешными, потому что всегда их усилиям противостояло движение в сторону многополярности. Первым моментом многополярности была сильная роль Великобритании, в дальнейшем эту роль взяли на себя другие страны, особенно в период двух мировых войн.

[01:35:15]

Александр Бузгалин: Большое спасибо. У вас, коллеги, еще будет возможность выступлений на конференциях. Я бы хотел представить книгу Десай «Геополитэкономия».

Алан Фриман, коллега, профессор из Великобритании и Канады, редактор целой серии книг по современной политической экономии, автор огромного количества текстов, один из создателей Ассоциации экономистов левого направления англоязычной ассоциации, базировавшейся и базирующейся в Лондоне.

Алан Фриман: Большое спасибо за эту возможность. Я собираюсь говорить о высокооплачиваемой рабочей силе в современной глобальной экономике. Я говорю не о производителях высокого уровня, как многие другие, я говорю о трудовых ресурсах высокого уровня, о новой реальности технологической ситуации, которая сегодня создается в современной глобализованной экономике, я говорю о новой глобальной экономике. Польский министр финансов вчера сказал, что необходимо выстраивать отношения с глобальной экономикой. Что же он имел в виду? Он имел в виду Запад. Главное, что нужно выстраивать отношения не с глобальной экономикой прошлого, то есть неолиберальной экономикой Запада, а с глобальной экономикой будущего, которая создается в рамках БРИКС. Это делает Китай, Индия, Африка и Россия среди прочих игроков. И в каком-то смысле у меня есть ответ тому, что говорил Руслан Гринберг. Он говорил, что в прошлом он и многие другие в России ожидали, что произойдет интеграция России в глобальную экономику Запада, но альтернативой является не автаркия Евразии, а новая глобальная экономика стран БРИКС, и об этом нужно думать сегодня – о взаимоотношениях с Индией, Китаем, Африкой, Латинской Америкой и так далее.

Почему же я говорю о рабочей силе высокого уровня? Потому что при таком сдвиге стратегических центров силы на Западе возникают новые конфигурации, новые центры

силы, причем именно экономические, и поэтому вот эта книга Радхики «Геополитическая экономия» так важна, потому что основной заголовок ее показывает, что эти три термина должны идти вместе: не геополитика, не политическая экономия, а геополитическая экономика, все вместе. И если взять это замечательное выражение, сейчас принято говорить о танце глобальной экономики. К чему же приведет этот танец в будущем?

Я хочу показать вам то, что мне кажется самым важным графиком в современной экономической реальности. Слева вы видите, какая часть рабочей силы в основных индустриализированных странах мира занята в сфере услуг. Это не сельское хозяйство, не производство, а именно сфера услуг. Сейчас в США эта цифра достигла 86%, то есть производство больше не является основном источником заработка и прибыли для развитых стран. Значит ли это, что производство стало неважно, или мы должны говорить о постиндустриализации? Нет. Два самых главных недопонимания, что одна из наших задач состоит в том, чтобы провести реиндустриализацию, то есть отвести часы назад и вернуться к производству прошлого. Это уже невозможно, оно уже все в прошлом. Этот график охватывает период в 60 лет. Здесь именно та историческая тенденция, которая существует, поэтому реиндустриализация в смысле восстановления предыдущих взаимоотношений между производителями является уже невозможной.

[01:40:49]

Почему мы говорим о постиндустриализации? Потому что в технологии производства сейчас используется все больше и больше автоматизации и оборудования. Где находится Китай? Китай поставил себя в такие условия, при которых была создана технология, используемая рабочими. «Huawei» является крупнейшим производителем электронного компьютерного оборудования во всем мире, потому что США сегодня говорят, что сейчас по оборонным соображениям они не позволят продавать продукцию «Huawei» на отечественном рынке, потому что предполагалось, что они туда вставили жучков, такие микрочипы, которые занимаются шпионской деятельностью.

Когда мы говорим об информационно-коммуникационных технологиях, все, в основном, думают, что это просто провода и чипы. Нет, это спутники. Вы сейчас не можете обеспечить связь без спутников, и именно поэтому одно из основных достижений Китая, равно как и России – это осуществить помощь Латинской Америке в создании независимой системы телевизионных станций, и обеспечение Латинской Америки собственными спутниками. Кроме того, так называемые эмалированные товары – это такие товары, как газовые плиты, микроволновки и другая бытовая техника, в основном, приходит из Китая. Если мы придем в кафе, где делают гамбургеры – это, в принципе, не очень сложное предприятие

общественного питания, но там тоже используется оборудование. Этим оборудованием должен управлять человек, поэтому бесполезно вламываться в гамбургерную ночью, вы не найдете там людей, которые готовят гамбургеры. Именно люди обеспечивают услуги и обслуживают это оборудование.

Если, опять же, мы посмотрим на правый график – это не деньги, не финансы. Вчера зампредседателя Госдумы говорил о том, что это не виртуальный, а конкретный реальный мир. Реальный мир сегодня – это те люди, которые используют компьютерные современные технологии, и наполняют их контентом, придают им ту эстетическую и ценовую стоимость, которая делает их привлекательными для людей. То есть когда мы говорим о Евразии или старом Советском Союзе, и мы говорим о том, что нужно восстановить те отношения, которые были разорваны при развале Советского Союза, мы опять говорим о том слоне, который существует в этой комнате. Мы, с одной стороны, должны восстановить, снизить те экономические и геополитические расхождения, которые возникли в настоящий момент, и создать эту новую геополитическую экономику на основе человеческой технологии, которая ответит на вопросы всего человечества.

[01:45:19]

Александр Бузгалин: Спасибо. На самом деле, тезисы были принципиально важные. Действительно, лозунг «Реиндустриализация» в прямом смысле означает попытку вернуться в прошлое, и это, видимо, тупиковая модель, но ситуация, когда мы поднимаем противоречия сферы услуг и необходимость творческого развития личности, как системы, базирующейся на качественно новой индустрии, этот взгляд мне кажется принципиально важным, и это один из дисконтентов, и, в то же время, один из вызовов нашего форума, где мы говорим о несырьевом будущем России. Спасибо, Алан.

Я с удовольствием предоставляю слово Жерару Фуксу. Жерар – руководитель международного департамента, министр иностранных дел в Фонде Жореса, член Европарламента на протяжении многих лет, один из ведущих международных деятелей Социалистической партии Франции, которая в настоящий момент является правящей, и даже вынудила бедного Депардье стать гражданином Российской Федерации.

Жерар Фукс: Спасибо, Александр. Когда я входил в эту комнату, я надеялся говорить от своего имени, но поскольку я последний выступающий, я, наверное, прокомментирую те выступления, которые были сделаны до меня.

Прежде всего, на первой части нашей сессии было заявлено, что нам нужно отойти от монополярного мира. Я полностью согласен с этой задачей, но я думаю, что этого невозможно будет достичь, если мы не отойдем от монополярной идеологии. Вы, как

россияне, знаете, какие ограничения существуют у централизованной экономики, а мы сегодня знаем, каковы ограничения неолиберальной экономики. И я думаю, что мы все знаем, каковы ограничения рыночной экономики. Первое: существуют миллиарды жителей Земли, которые живут меньше, чем на один доллар в день, то есть у нас недостаточно участников на этом рынке и экономических объектов. Второе ограничение – это близорукость рынка. Как минимум, двое из вас говорили о планировании, даже один упомянул французское индикативное планирование. В 40-50-х годах индикативное планирование было очень хорошим, прогрессивным, но с течением времени мы отказались от такого планирования, в частности в 90-е годы. В 1990-1991 году министр труда и планирования был представителем нового социалистического правительства, и это правительство предоставило новое планирование. Оно даже не называется планированием. В данном случае у нас есть Генеральный комиссариат по разработке стратегий и перспектив, то есть в данном случае целью данного комиссариата является не контроль за выполнением плана, а скорее содействие в демократическом смысле этого слова, но не централизованному планированию, а созданию и разработке общего взгляда на будущее, или на будущие, и нахождение согласия между различными участниками этого процесса.

Третье. Мы знаем, что мы живем в разных странах. Я затрону только вопрос загрязнения воды, воздуха. Эти стихии не принадлежат никаким частным людям, то есть, скорее всего, мы говорим о народном достоянии, народном богатстве, но рынок не дает ответа на ситуации, связанные с загрязнением окружающей среды, и иногда приходится принимать государственной программы, в частности, когда мы говорим о загрязнении климата, и рынок не может регулировать эти вопросы.

[01:50:47]

И, наконец, очень часто вас учат, что рынок является эффективным и оптимальным способом организации торговли, но у каждой экономики есть свои начальные условия, и для каждой экономики оптимальные условия будут разными. То есть это, с одной стороны, связано с распределением доходов и богатства между гражданами страны. Это ограничение, которое существует на традиционных рынках, поэтому нам нужно вводить новые понятия как в экономическую теорию, так и в политическую экономику. То есть рынок – это инструмент, планирование – это тоже инструмент, и поэтому нам необходимо, с одной стороны, определиться с инструментами, с другой стороны, с целями и задачами нашей экономики с точки зрения социальной справедливости, благосостояния. Я лично не считаю, что Советский Союз был социалистической страной, я бы сказал, что он был социокапиталистическая страна.

Александр Бузгалин: Нет. И как только вы в России затронете вопросы Советского Союза, каждый из них будет основной для двухчасового обсуждения, и каждый будет счастлив забыть обо всем и обсуждать только этот вопрос. Мы не будем говорить про Советский Союз, иначе все про все забудут и начнут спорить о том, что было в СССР, это любимая тема всех теле, научных и прочих дебатов.

Жерар Фукс: Хорошо. Во всяком случае, были цели с точки зрения равности возможностей, равности доступа к принятию решений. В Советском Союзе все имели право принять участие в принятии решений. Я сегодня услышал очень много интересных альтернатив для неолиберализма, и я думаю, что эти возможности существуют. Они реально достижимы на практике, и я думаю, что страны БРИКС смогут построить что-то новое на глобальном уровне.

Александр Бузгалин: Большое спасибо. Это было очень важно. Далер Джаборов, по-моему, станет звездой после этой сессии.

Жерар Фукс: Я тоже привез книгу, она на французском.

Александр Бузгалин: Спасибо. Я уже сказал, что молодые люди могут встать в центре внимания, и у нас сегодня были интересные выступления по БРИКС, планированию и так далее.

Сейчас мы завершаем нашу встречу. Все наши иностранные коллеги выступили? Если есть желание очень коротких реплик, буквально на полминуты, тех, кого критиковали. Давайте, Далер начнем с вас, раз уж вы превратились в центр поддержки критики и так далее. Буквально по полминуты, и затем мы перейдем к презентации книг. Наши коллеги готовы представлять книгу Кондратьева, да? Прекрасно. Мы пока подготовимся к презентации работ в области критического марксизма.

Далер Джаборов: То, что Дэвид сказал, это как раз то, что я хотел сказать, но из-за недостатка времени не успел. Что я имел в виду? Использовать опыт планирования – это не означает взять в чистом виде, это, как раз, и означает взять его идею и развить во что-то большее, потому что, если мы в чистом виде возьмем, как это уже было в начале 90-х, когда мы взяли в чистом виде западную модель, и она у нас с треском провалилась. Если мы сейчас будем брать планирование в чистом виде, в котором оно было раньше, то оно также провалится, но в каком-то другом аспекте.

[01:55:12]

Нужно развить как раз планирование демократическое, как Дэвид высказался и как говорят, что планирование для народа и народом, что приведет в конечном итоге к

производству, именно, для потребления людей, а не для прибыли корпораций, для прибыли фирм. Спасибо.

Александр Бузгалин: Спасибо, Далер. Пожалуйста, Татьяна Малахова.

Татьяна Малахова: Уважаемые коллеги, было очень много сказано о перспективах БРИКС (BRICS) в выступлениях наших уважаемых коллег. Хотелось бы высказать свою точку зрения по поводу того, что, безусловно, для России усиление экономико-политического взаимодействия со стороны БРИКС носит стратегический характер, это на 100% так и есть. В большей степени хотелось бы акцентировать внимание на то, что это взаимодействие носит противоречивый характер, поскольку те саммиты и те конференции, которые проходили в кругу стран БРИКС, на чем там, в большей степени, акцентировалось внимание – на вопросах туризма, энергетики, спорта. Допустим, последняя их встреча была на тему «Раскрывай потенциал Африки. Сотрудничество БРИКС и Африки в сфере инфраструктуры», то есть мы в большей степени акцентировали внимание, что необходимо помогать африканским или азиатским странам, но в нашей стране и в группе стран БРИКС и так множество структурных проблем, которые нам необходимо решать в большей степени. А здесь почему-то считают, что мы косвенно закрываем глаза на наши проблемы и акцентируем внимание на то, что в Африке то-то, в Азии еще какие-то проблемы, и давайте их решать. Здесь, конечно, на наш взгляд приоритетным направлением стран БРИКС должно быть усиление интернационализационных процессов, например, допустим, в НИОКР привлечение финансовых средств на развитие ключевых отраслей, в том числе, как я говорила ВПК и ОПК, возможность совместной разработки. Я, как экономист, пока не видела никакого продукта или услуги, который совместно произвели страны БРИКС. Мы в большей степени говорим, что Россия ориентирована на Запад, как внешнеторговые отношения, и при этом получается так, что совместные разработки, то есть внутреннее сотрудничество пока не явно. Безусловно, это перспективно, но пока каких-то плодов существенных лично я не вижу для себя.

Александр Бузгалин: Спасибо, Татьяна. У нас тут живой диалог и спор. Пожалуйста, полуминута реплики.

Дмитрий Плетнев: Я вышел не для того, чтобы продолжать свой доклад, а чтобы обратиться…

Александр Бузгалин: Это странно. Обычно люди делают, именно, это. Дмитрий, пожалуйста.

Дмитрий: …чтобы обратиться к коллегам. Я неоднократно услышал сегодня пожелания о многополярном будущем мире. Поскольку я занимаюсь политико-экономической теорией

денег, то хотел бы обратить внимание коллег на то, что теория денег Карла Маркса позволила нам познать необходимость возникновения денег из обмена товаров, как результат движения противоречит товарному производству, конечно. Эта же политико-экономическая теория денег позволяет нам познать необходимость возникновения мировых денег, то есть денег денег, и пожелания о многополярности мира и о многовалютном стандарте, они, конечно, прекрасны, но необходимо видеть необходимость возникновения одной валюты, которая будет иметь форму мировых денег.

Александр Бузгалин: Спасибо. Все-таки, это было продолжение доклада, потому что по-другому не бывает в этом мире. Спасибо молодым коллегам за реплики и интересное проведение диалога. Мы сейчас сделаем не то, чтобы паузу, а некоторую трансформацию, и переходим к презентации работ. Я прошу наших коллег с книгой Кондратьева подойти сюда. Спикер, Петр Клюкин, профессор Высшей Школы Экономики, издатель работ не только Кондратьева, но и Маркса, он делал новое издание «Капитала» Маркса, это интересно и это очень важно, и он сам является автором очень интересных работ и книг на эту тему. Пожалуйста, коллеги, присаживайтесь. Андрей Иванович, если можно, то я передам вам ведение, потому что я должен исчезнуть. Не давайте больше 20 минут говорить этим коллегам.

[02:00:30]

Петр Клюкин: Пользуясь случаем, хотелось бы выразить благодарность Александру Владимировичу Бузгалину за возможность сделать презентацию на столь обстоятельной сессии. Вот книжка, которая вышла совсем недавно в издательстве «Алетейя», вот есть сайт. Это сборник по результатам внеочередных кондратьевских чтений, которые были проведены под эгидой Новой Экономической Ассоциации в рамках Второго Экономического Российского конгресса 22 февраля 2013 года. Здесь указан сайт ассоциации. Ассоциация делает очень много полезных вещей.

Сборник представляет собой первый выпуск трудов лаборатории по изучению наследия российских экономистов. Это новое подразделение, которое было организовано в Институте Экономики РАН, и будет заниматься специализированным изучением российских экономистов, как прошлого, так и настоящего. Хотел бы выразить большую благодарность Александру Яковлевичу Рубинштейну, первому заместителю директора Института Экономики, который дал добро на создание такой лаборатории.

Теперь, конкретно по сборнику. Вот, вы видите авторов. Главный принцип был – отобрать специалистов. В России, в общем-то, были осведомлены все те, кто имеет отношение к кондратьевскому наследию, и ряд авторов здесь присутствует, они расскажут более

подробно. У нас даже есть один иностранный участник, занимающийся Кондратьевым на Украине. Про тематику сборника более подробно расскажет Олег Сергеевич Сухарев, профессор ряда университетов России. Я пока кратко перечислю: здесь теория кризисов и циклов представлена и теория планирования социально-экономического прогнозирования, и долгосрочные тренды развития стран, отдельные подразделы посвящены творческой лаборатории Кондратьева; очень важно, что есть новые биографические архивные данные есть и не только о Кондратьеве, но и о семье. Еще один раздел посвящен научной реабилитации Кондратьева, то есть, связям его с другими экономистами, особенно, с Первушиным и Дмитриевым, это последний шестой раздел.

Хотел бы подчеркнуть особенности издания. Все-таки, сборник отличается от многих сборников, которые выходят на данную тему. Во-первых, наличие отобранных к каждой статье специалистов, то есть это не большие сборники, где по 100 статей, а это специально отобранные статьи. Затем, комплексный и специализированный охват темы. Структура сборника плавающая. Идея состоит в том, что все-таки следует в наше время отталкиваться от людей и идти к сборнику, а не от сборника к людям, потому что часто тогда качество предоставленных материалов страдает. Здесь были отобраны специалисты, и они сформировали некое свое современное видение по этой теме.

Еще очень важный момент. Акцент сделан на новых подходах к анализу наследия Кондратьева, в том числе, и на междисциплинарных. Особенный интерес вызывает принцип возвратного движения, позволяющий исследовать наследие Кондратьева не только в кругу его собственных современников и последующих авторов, но и те, кто до него высказывал ряд идей по этому поводу, то есть, там есть интересные в этом смысле материалы. Следующий аспект – это рассмотрение идей Кондратьева в различных контекстах. Я уже об этом сказал, но, все-таки, хотел бы еще раз подчеркнуть, что в контексте достижений российской экономической мысли, потому что даже у нас в России эту мысль, как выясняется, знают не очень хорошо, поэтому кондратьевское наследие не всеми гранями сверкает, поэтому здесь параллельное движение – не только Кондратьев, но и другие. В этом смысле можно отметить, что Фонд Кондратьева, который возглавляет Валентина Михайловна Бондаренко, сейчас есть крен в сторону изучения не только Кондратьева, но его современников и сподвижников, особенно, деятельность Кондратьевского Конъюнктурного Института.

Очень важный момент – публикация новых архивных материалов. Принцип, который мы закладывали, что сборник должен давать новые сведения о семье, есть ряд материалов из личных и семейных архивов, то есть, это даже не архивы вида Российского Государственного Архива Экономики, где материалы общего плана, а это, как раз, люди

обзванивались, мы с ними встречались, записывали на диктофон. Особенно по линии жены есть очень много новых материалов.

[02:05:09]

Я хотел бы показать несколько слайдов и картинок, которые до этого не публиковались. Это отец Евгении Давыдовны Дорф, то есть жены Кондратьева. В этом сборнике линия жены представлена более полно. Это очень известный земский деятель похоронен на Новодевичьем кладбище. Интерес к нему тоже сейчас растет. Вот, собственно, Евгения Давыдовна Дорф, она же Кондратьева, жена, которая сохранила суздальские письма, бутырскую рукопись знаменитую, которая стала очень важным ключом к осмыслению наследия Кондратьева в 30-е годы. И Евгения Давыдовна Кондратьева, то есть жена, это середина 20-х годов. Это очень редкая фотография, говорящая о том, что в период, когда Кондратьев имел максимально творческую активность. Вот, они у себя дома на Тверской улице, дом 24, квартира 16. Вот, Елена Николаевна Кондратьева, это дочь Николая Дмитриевича, это довоенное фото, тоже очень редкая фотография, потому что, в основном, мы ее знаем по послевоенным фото, когда она стала член-корреспондентом, а потом академиком Российской Академии Наук. Это довоенное фото. Вот еще один снимок, это фотография, которую достаточно долго искали. Казалось бы, дочь врага народа, но она увлекалась конным спортом, была мастером спорта по выездке, и вот один из номеров журнала «Огонек», она на кобыле Лега (02:06:33) украшает журнал «Огонек» 1954 года. Спасибо за внимание. Мои коллеги более подробно расскажут о содержании сборника.

Валерий Иванович: Коллеги, чтобы не тратить время на перемещение к трибуне, я с места, если вы не возражаете, несколько слов добавлю к тому, что сказал Петр Николаевич. Первое, что мне хочется сказать, мы с вами знаем по своему опыту, что после каждой конференции выпускается какой-то труд, и в данном случае этот труд таков же, то есть были очередные кондратьевские чтения, и выходит по его итогам этот труд. Мне кажется, что этот труд получился несколько отличающимся от рядовых сборников по материалам научных конференций или семинаров, а это получилась по-настоящему научная монография.

Мне хочется здесь отметить, именно, большой личный вклад и заслугу самого Петра Николаевича Клюкина, который сейчас перед вами выступал. Если, кто не знает, то он, действительно, один из самых глубоких исследователей его творчества, в том числе, Кондратьева и не только его, ученых того периода нашей жизни. Эта книга называется «Теоретическое наследие Кондратьева и современность», и она, действительно, отвечает этому названию. В ней есть и само наследие идей Кондратьева в соответствующей

интерпретации современной, и есть попытка связать это с историей и с нашей современной жизнью. Если говорить об истории, то мне кажется, что ценны, действительно те крупицы, которые показал Петр Николаевич, что, действительно, она сопровождается преподнесением очень ценных материалов, которые неизвестны до сих пор научной общественной. Они извлечены из архивов и поэтому они уже предоставляют определенную ценность. Мне кажется, что в этой книге удалось сочетать желание немножко продвинуться в интерпретации идей Кондратьева применительно к циклическому развитию экономики, к анализу этих больших циклов экономической конъюнктуры, и в то же время попытаться найти то, что сегодня актуально.

Я написал там одну главу, которую назвал «Промышленная политика России на стыке кондратьевских циклов». Любопытно, это было примерно три года назад, когда я написал эти материалы, и тогда еще был тот период, когда о промышленной политике надо было говорить, о том, что надо ей заниматься, потому что еще была такая позиция большинства нашего мейнстрима, что это, все-таки, не то, чем надо заниматься и что это нечто устаревшее. Сегодня мы видим, что ситуация поменялась. Вчера, если кто-то присутствовал на пленарных заседаниях, мы увидели, что все, начиная с Евгения Максимовича Примакова, говорили именно об этом, о том, что, действительно, нужна эта промышленная политика.

[02:10:05]

Более того, открываю последний номер «Эксперта», там выступает министр промышленности Мантуров и пишет о том, что уже разработана Министерством концепция промышленной политики, то есть, как будто бы сдвинулось дело определенным образом. Коллеги, мы с вами упустили 20 лет, и это, по меньшей мере, 20 лет в том, чтобы нам подступиться только к постановке, я уже не говорю о решении этих проблем. Многовато, все-таки. У нас получается, что мы в угоду каким-то словам, соответствующим образом истолкованных кем-то, подчиняемся этим словам и выстраиваем совсем не те действия, которые требуются сегодня в стране.

Я не случайно написал о промышленной политике на стыке кондратьевских циклов. Почему? Потому что кризис, и современный кризис по-разному истолковывается. Очень многие склоняются к тому, что это кризис, обусловленный переходом с одной волны на другую, и что стечение обстоятельств падающих волн нескольких видов циклов наложились одна на другую, поэтому так тяжело. На самом деле, это еще пока не доказано. На самом деле, вопрос сложный, но несомненно одно, что сейчас понятие промышленной политики связано с тем, что мы должны остановиться на приоритетах. Мы должны знать о наших

приоритетах, и мы должны их четко и неоднозначно обозначить, и мы должны понимать, что выделение этих приоритетов сегодня на данном этапе намного сложнее, чем было раньше, потому, что многое упущено. С одной стороны, выделение приоритетов в форме инновационно-промышленной политики, это выделение чего-то сравнительно ограниченного, чтобы не бить растопыренной ладонью, а кулаком, и в то же время мы понимаем, что только на одних узких приоритетах уже невозможно, потому что надо идти еще и по другим направлениям, где у нас просто-напросто есть провалы. Выделение этих приоритетов промышленной политики сегодня крайне сложная задача.

У меня еще есть один сюжет. Почему это связано с кондратьевскими волнами? Наверное, нам, все-таки, надо сегодня задуматься о том, насколько мы должны быть, может быть, и критичны к тем автоматическим, вроде бы, закономерностям, которые заложены в этой циклической парадигме, потому что эти пять циклов, которые описаны в литературе, якобы состоявшихся, они ведь описаны применительно к пониманию того, что система та, а именно, капиталистическая система вечна и в рамках нее все это выстраивается. Сегодня мы с вами видим, что вопрос об этой вечности уже поставлен очень остро. Отсюда возникает, насколько верно нами пролонгировать эти автоматические зависимости, которые складывались ранее. Я, например, слушая вчера Аскара Акаевича Акаева, который говорил о том, что следующий цикл уже ясен, и назвал эти самые технологии NBIC, что это уже абсолютно ясный вопрос, что американцы уже 8% прошли, и все, как говорится, тут ясно. Я думаю, что вопрос по-прежнему не ясен. Во-первых, кто далее будет предъявлять спрос на эти, именно, технологии? Кто будет потребителями именно этих технологий? На него ответа нет. Вопрос о промышленной политике не так прост, как кажется. Это не промышленная политика, это не политика в промышленности, это нечто большее, поэтому, нам надо понимать, что этот вопрос не так прост.

Я о своем сказал, но добавлю, прежде всего, что книга получается и получилась, это заслуга авторов и, прежде всего, Петра Николаевича Клюкина. Сухарев рядом со мной сидит, сейчас он выступал на другом семинаре очень интересном, и тоже опубликовал очень интересный материал в этой монографии. Я думаю, что она будет интересна для читателей.

[02:15:12]

Олег Сухарев: Спасибо, Валерий Иванович. Уважаемые коллеги, я постараюсь быстро представить книгу, все-таки. Она создана на основе внеочередных кондратьевских чтений, проводившихся 22 февраля 2013 года в Суздале. Этот город, конечно, связан с именем Николая Дмитриевича Кондратьева. Ее отличительной чертой является то, что она в отличие от других монографий и книг включает, практически, все разделы, которыми занимался

Николай Дмитриевич, то есть, это и изучение исторических социально-экономических условий развития, это длинные волны в экономике и финансах, это проблемы, связанные с планированием и со стратегическим планированием. Она включает два крупных раздела, посвященных творческой лаборатории Кондратьева, где ставится проблема ценностная нейтрального метода в экономической науке, возвратные традиции на примере творчества Кондратьева, сравнивается подход Кондратьева и Чаянова, дается уникальная библиографическая информация, впервые приводятся архивные данные, касающиеся его семьи, жены и так далее. Раздел шестой данной книги представляет непреходящий интерес, он называется «У истоков научной реабилитации Кондратьева» и включает анализ интеллектуального окружения Кондратьева, то есть таких профессоров, как Первушин и Дмитриев. Я бы хотел особо отметить эти материалы, потому что, к сожалению, российское студенчество, аспирантский состав мало знакомы с работами российских экономистов.

Если вы ознакомитесь со статьей о Дмитриеве, то вы увидите диаграмму Дмитриева, объясняющую эффективность научно-технического прогресса и, фактически, предвосхитившую идеи Слоу, Харрода и Хикса о типах нейтральности научно-технического прогресса. Это тоже самое, примерно, как русский экономист Струмилин изобразил формулу связи простого и сложного труда на темп роста, а затем уже, спустя несколько десятилетий, появилась формула Теодора Шульца и Эдварда Денисона, исследователей экономического роста, которая буквально повторяет формулу Струмилина, которая была на пару десятилетий раньше. К сожалению, западные экономисты не знакомы с русской традицией, особенно, математической школы, которую представлял Дмитриев и Кондратьев, кстати говоря.

В заключение я хотел бы отметить следующие идеи, которые прозвучали, например, в разделе о социально-экономических и исторических трендах развития. Там представлена интересная модель переключения инвестиций между старой и новой технологиями.

Мужчина 1 (02:18:15): Прошу прощения. Я просил 20 минут, вы говорите уже 25 все вместе.

Олег Сухарев: Дайте мне минуту, чтобы закончить.

Мужчина 1: Одну минуту! Вы нам на презентацию оставили 10 секунд.

Олег Сухарев: Содержится статья о промышленной политике и ее представил сам автор, Валерий Иванович, и статья о смене и переключении технологических режимов с критикой подхода Карлоса Переса [02:18:37]. В разделе, посвященном теории циклов и кризисов, исследуется длинные волны в финансах и ВВП, а также дается интересный обзор современного кризиса мировой системы, проведенной за расу. Остальные разделы я, более или менее, охарактеризовал.

Последнее, что я хотел бы сказать – это не согласиться с услышанным. Кстати, эта книга, в общем-то, тоже не соглашается с этим. Я согласен с Валерием Ивановичем о промышленной политике и не согласен с тем, что индустриальная политика, индустриализация, это призыв к некоему прошлому. По определению, это замена технического труда, машинного, который заменяет ручной труд, и это может быть происходит на разных стадиях развития производительной силы техники. Например, старые технологии заменяются более совершенными технологиями, это тоже вид или разновидность индустриализации, и для России эта проблема актуальна. Данная книга проясняет и ее, в том числе.

В развитии своей статьи, я представлю свою книгу – это «Экономический рост института и технологий», автор профессор Сухарев, она развивает идею главы данной книги по Кондратьеву. Большое спасибо.

Мужчина 1: Извините за некоторую жесткость, но, к сожалению, дисциплина – это вежливость, которая необходима нам всем.

[02:20:05]

У меня осталось буквально пару минут для того, чтобы представить серию книг, которых вышло уже более 40 – это постсоветская школа критического марксизма. Вы видите некоторые из них, у них есть фирменный стиль. Эта школа, на самом деле, показала возможность междисциплинарного, основанного на современном марксизме анализа самых разных проблем и фундаментальных и прикладных. Коллектив, в котором центр составляет примерно 25-30 человек в Москве и в Питере, включает в общей сложности более 150 авторов по всем книгам. Они выходят уже 20 лет, и там раскрыты проблемы современного понимания свободы и социального творчества, начиная от философского дискурса и заканчивая проблемами в книге «Кто творит историю», где анализируются современные альтерглобалистские социальные движения России и мира. Они показывают политэкономию современной России, политэкономию провала, и политэкономию современной глобальной мировой системы в работах, которые посвящены современному кризису и его последствия. Эти книги включают анализ противоречий либерализма, социализма западников и славянофилов. Специально посвященные работы этому перекрестку, это работы, которые включают анализ культуры в контексте социальных проблем нашего мира и прошлого опыта. Это серия книг, в которых анализируется критический опыт СССР. Кстати, все они, практически, с широким международным участием. Наконец, это работы, которые характеризуют социализм, как мы его видим сегодня, и одна из фундаментальных работ здесь представлена.

В коллектив входят ученые, отнюдь не являющиеся маргиналами. В некоторых странах мира так повелось, что ученые-марксисты, это маленькая кучка, которая живет в своем мире, и вы не найдете их статей в журналах Кембриджа, Гарварда (в Кембридже, как раз, может быть, и найдете), MIT и других престижных университетов, они публикуются только сами у себя. Мы тоже публикуем наш журнал «Альтернативы», но большая часть представленных здесь авторов, это люди, которые имеют очень высокий индекс Хирша, так называемый, во всяком случае, в нашей стране, публикуются в ведущих академических журналах, в университетских журналах и имеют достаточный престиж. Мы меньшинство, но не изолированное меньшинство. Меньшинство, которое работает на форумах, где выступают сенаторы, депутаты, академики, бизнесмены и так далее. Мы не хвастаемся этим, но просто хотелось об этом сказать.

Так получилось, что в России постсоветская школа критического марксизма не очень велика численно, но достаточно хорошо представлена качественно. У меня нет других возможностей для презентации. Эти книги можно приобрести здесь за понарошечную цену, можно приобрести на стенде УРССа (URSS), издательство, которое есть в Центре. У нас есть здесь несколько выпусков журнала, и через 25 минут мы продолжим здесь нашу встречу очень жесткой дискуссией.

Подводя итоги нашего сегодняшнего разговора, я не хочу формулировать никакой позиции, но я хочу сказать огромное спасибо такому дискуссионному открытому диалогу людей из разных стран мира, людей разных поколений, которые озабоченно, интересно и креативно говорили о том, каким может быть будущее России в глобальной мировой системе. Большое спасибо. До встречи через 20 минут. Кофе на втором этаже.

[02:24:02] [Конец записи]